
ФОРМУЛА
ВЕЧНОЙ
МЕРЗЛОТЫ
АЛИСА ВЕТРОВА

Алиса Ветрова

ФОРМУЛА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

«Автор»
2026

Ветрова А.

ФОРМУЛА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ / А. Ветрова — «Автор», 2026

Она — гениальный инженер-эколог, он — суровый глава безопасности таёжной стройки. Вера прилетела в Сибирь защищать заповедник, но для Матвея Громова она лишь «московская штучка», срывающая сроки.Всё меняет загадочная авария и кража секретных расчетов. Под подозрением — сама Вера. Теперь она под круглосуточным надзором Командора. Их ждут погоня на вездеходе сквозь буран, охота на шпиона и вынужденная близость в ледяной глуши, где единственным источником тепла становятся они сами.Устоит ли строгая наука против первобытного притяжения?

© Ветрова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Алиса Ветрова
ФОРМУЛА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

Глава 1

Если бы у Веры Воронцовой спросили, как звучит крушение карьерных надежд, она бы ответила без запинки: как хруст примерзшего к губе блеска для губ «розовый нюд» на перроне красноярского вокзала. В Москве, когда Вера подписывала контракт с холдингом «Север-Ресурс», ей казалось, что тридцать пять градусов ниже нуля — это просто цифра на экране смартфона. Ну, знаете, такая абстрактная величина из палаты мер и весов, которая лечится покупкой термобелья второго уровня защиты и чашкой латте на кокосовом. В реальности же сибирский ноябрь встретил её с грацией вышибалы в ночном клубе. Воздух здесь не просто пах хвоей и соляркой — он замерзал прямо внутри ноздрей, превращая каждый вдох в попытку проглотить горсть мелко битого стекла. — Воронцова Вера Дмитриевна? — пробасил над ухом голос, принадлежащий мужчине таких габаритов, будто его собирали на том же заводе, что и карьерные самосвалы. Вера обернулась, едва не вывихнув шею в воротнике своего гигантского, связанного мамой свитера, который делал ее похожей на очень испуганную, но интеллектуальную гусеницу. На носу предательски запотели очки в толстой роговой оправе — ее главное оружие в борьбе за статус серьезного ученого-эколога. — Да, это я, — попыталась твердо сказать Вера, но нижняя челюсть выдала предательскую чечетку. — Инженер-геоэколог. Я привезла калибровочные датчики для... — Понял. Экология, — оборвал ее «самосвал», представившийся Михалычем, начальником участка снабжения. — Вещи в кузов, садись в кабину. Матвей свет-Андреич уже всю плешь проел по рации. Не любит он, когда графики плывут. А у нас тут, сама видишь, не Москва-река, у нас тут тайга ошибки быстро списывает. «Матвей свет-Андреич», он же Матвей Громов, руководитель службы логистики и безопасности всего этого таежного безумия, возник в Вериной жизни еще на стадии согласования проекта. Точнее, возникло его размашистое, злое «НЕ СОГЛАСОВАНО» поверх ее идеальных, выверенных до третьего знака после запятой графиков размещения очистных станций. Громов вычеркивал ее локации с методичностью маньяка, приписывая на полях лаконичное: «Здесь вечная мерзлота, объект поплывет в мае» или «Тут зимник, ваши трубы раздавят гусеницами за три дня». Вера, защитившая кандидатскую по геоинженерии в двадцать шесть лет, три ночи пересчитывала термодинамические модели, чтобы доказать этому «таежному медведю», что ее формулы безупречны. И вот теперь она ехала на его территорию. Двухчасовая поездка на вахтовом «Урале» до строящегося горно-обогатительного комбината напоминала аттракцион «американские горки», если бы их проектировал очень пьяный и злой дорожный мастер. За окном расстилалась глухая, бесконечная тайга, придавленная тяжелым свинцовым небом. Вековые ели стояли, облепленные снегом, словно застывшие стражи. Красиво? Безумно. Жутко? Еще бы. При мысли о том, что где-то здесь ей предстоит провести следующие три месяца, Вера поплотнее вжалась в пассажирское сиденье, судорожно сжимая в кармане куртки свой главный талисман — лазерный дальномер. Строительная площадка ГОКа возникла неожиданно, прорубив тайгу ровным геометрическим шрамом. Масштаб поражал: циклопические конструкции главного корпуса, опутанные лесами, рев тяжелой техники, гигантские прожекторы, разрезающие ранние полярные сумерки, и россыпь живых модулей-бытовок, похожих на разбросанные кубики Lego. Как только «Урал» затормозил у главного административного блока, рация на приборной панели Михалыча захрипела так, словно сквозь нее пробивался сам дух тайги. — Михалыч, на связи Громов. Привезли экологию? — Голос в динамике был низким, сухим и абсолютно лишенным

какого-либо намека на сибирское гостеприимство. От этого звука у Веры почему-то по спине пробежал мимолетный холодок, никак не связанный с тридцатиградусным морозом. — Привез, Матвей Андреич. Живая, только замерзла малость. Воронцова Вера Дмитриевна, все как по бумагам. — Отлично. Вези ее сразу в третий сектор, к гидрологическому модулю. И скажи, чтобы под ноги смотрела. У нас там из-за резкого потепления на прошлой неделе грунт в низине нестабильный, а мне только не хватало выковыривать московских кандидатов наук из раскисшей глины. Конец связи. Динамик щелкнул и замолчал. Вера возмущенно выдохнула, отчего очки снова мгновенно покрылись белой пеленой. — Какая поразительная вежливость, — процедила она, яростно протирая стекла краем свитера. — Он всегда такой... социально адаптированный? Михалыч добродушно ухмыльнулся в усы, переключая передачу. — Матвей-то? Да он у нас золото, дочка. Просто некогда ему политесы разводить. У него объект на контроле у министерства, сроки горят, подрядчики воруют, а тут еще вы со своими бабочками и датчиками. Для него эколог — это как пятое колесо у трактора. Вроде и положено по закону, а ехать мешает. — Я здесь не ради бабочек! — Вера выпрямилась, насколько позволяла объемная куртка. — Моя технология гидроизоляции — единственное, что спасет местный заповедник от стоков комбината. Если инвесторы увидят малейшее превышение по тяжелым металлам, финансирование закроют. Так что Громову следовало бы молиться на мои датчики, а не называть меня «экологией». — Ну-ну, — философски заметил Михалыч, выруливая к длинному ряду серых вагончиков, над которыми сиротливо крутилась спутниковая тарелка. — Ты ему это сама скажи. Он как раз в центральной диспетчерской сидит. Только голос погромче делай, он аргументы легче воспринимает, когда они в децибелах измеряются. Машина остановилась у бытовки с гордой табличкой «Экологический мониторинг. Лаборатория 3». Вера глубоко вздохнула, поправила на плече тяжелую сумку с ноутбуком, где хранилось ядро ее научной работы — уникальная цифровая модель фильтрации грунтов, — и толкнула тяжелую железную дверь вагончика, готовая доказать этой Сибири, что физика и химия работают одинаково хорошо как на Воробьевых горах, так и в эпицентре вечной мерзлоты. Она еще не знала, что главный разрушитель ее теоретических моделей уже заваривает крепкий черный кофе в пятидесяти метрах от ее новой обители и нагло изучает ее личное дело. Внутри экологического модуля было... специфично. Если Вера ожидала увидеть хотя бы отдаленное подобие университетской лаборатории, то реальность встретила ее эстетикой продвинутого строительного склада. Пахло свежим пластиком, сухим теплом от натужно гудящего обогревателя и почему-то мятной зубной пастой. На длинном столе у окна сиротливо жались друг к другу новенькие, еще в заводской пленке, спектрометры, а посреди комнаты высилась гора коробок с Вериным калибровочным оборудованием, доставленным утренним рейсом. — Ну, располагайся, дочка, — Михалыч кряхтя опустил на пол ее тяжеленный пластиковый кейс с датчиками, который Вера ласково именовала «моя прелесть». — Связь тут через раз, если что — жми красную кнопку на рации, она на стене висит. Электричество от дизеля, так что если моргнет — не пужайся, это нормально. — Спасибо, Михалыч, — Вера стянула огромную шапку, и ее темные локоны тут же устроили на голове локальный электростатический взрыв. — Я справлюсь. Физика твердого тела везде одинаковая, даже там, где дизель вместо цивилизации. Как только дверь за снабженцем захлопнулась, Вера решительно стащила куртку, оставшись в своем фирменном оверсайз-свитере цвета увядшей розы. Настало время магии. Она открыла ноутбук, подключила защищенный жесткий диск с математической моделью фильтрации грунтовых вод и блаженно зажмурилась под мерный гул оживающего процессора. Это был ее мир. Мир, где цифры никогда не лгали, графики сходились в идеальные кривые, а люди не командовали по рации сухими, не терпящими возражений голосами. Она как раз пыталась реанимировать местный роутер, когда дверь бытовки содрогнулась от короткого, властного удара. Вера не успела даже сказать «Войдите», как внутрь ворвался поток ледяного воздуха, а вслед за ним — мужчина, который мгновенно

занял собой примерно три четверти свободного пространства лаборатории. Матвей Громов в жизни оказался еще более масштабным проектом, чем по описаниям Михалыча. На нем была глухая черная куртка-аляска с эмблемой холдинга, забрызганные подсохшей глиной тяжелые армейские ботинки и рация на плече, которая тихо подвывала статическим шумом. Коротко стриженные темные волосы, резкие, будто высеченные из сурового сибирского гранита черты лица и взгляд темно-серых глаз — внимательный, цепкий и абсолютно не сулящий Вере легкой жизни. Он замер у порога, окинув взглядом комнату, коробки и, наконец, саму Веру, застрявшую между столом и системным блоком с куском кабеля в руках. — Воронцова? — спросил он. Голос у него был приятный, глубокий баритон, но в нем так и сквозила привычка отдавать приказы, которые не обсуждаются. — Вера Дмитриевна, если быть точной, — Вера максимально грациозно, насколько позволял запутавшийся в проводах свитер, выпрямилась и поправила очки на переносице. — А вы, надо полагать, тот самый Матвей Андреевич, который считает, что законы экологии придумали бездельники из Министерства природопользования? Громов не принял подачу. Он просто подошел ближе — Вере пришлось задрать голову, чтобы удержать зрительный контакт — и положил на край ее стола толстую папку в пластиковой обложке. — Я считаю, Воронцова, что законы физики имеют неприятное свойство заменять собой законы экологии в самый неподходящий момент, — сухо ответил он. — Вот здесь — новые технологические карты по отсыпке дамбы третьего сектора. Инвесторы сместили сроки. Мы начинаем заливку основания через сорок восемь часов. Вера моргнула один раз. Потом другой. Компьютерный кабель в ее руке опасно натянулся. — Простите, что? Какая заливка? По моим расчетам, которые я отправляла вам две недели назад, в третьем секторе идет скрытый водоносный слой! Если вы зальете туда бетон без предварительной гидроизоляционной подушки, которую я должна откалибровать, весной вся эта химия пойдет в грунтовые воды заповедника. Это... это преступно по отношению к гидросистеме региона! Матвей едва заметно усмехнулся — одной левой стороной губ, отчего на его щеке обозначился короткий, явно старый шрам. Усмешка вышла ироничной и жутко раздражающей. — Послушайте, Вера Дмитриевна, — он выделил ее отчество с легким нажимом. — Ваша «гидросистема региона» сейчас находится под тремя метрами промерзшей глины. У меня контракт, штраф за срыв которого исчисляется суммами с шестью нулями. И если мы не сдадим этот сектор до того, как ударят настоящие сибирские морозы, бетон просто превратится в крошево. Так что ваши теоретические бабочки подождут. Выдайте мне согласование на основе старых геодезических данных. — Исключено, — Вера упрямо вздернула подбородок, шагнув вперед, из-за чего оказалась к нему почти вплотную. От Громова пахло морозной свежестью, дорогим табаком и чем-то чисто мужским, что заставило ее сердце сделать лишний, совершенно несанкционированный наукой стук. — Старые данные устарели еще до того, как их напечатали. Земля — это живой организм, Громов. Мне нужно минимум трое суток, чтобы снять показания с автоматического поста «Северный-4» и обновить цифровую модель. Без моей подписи вы не начнете заливку. Матвей скрестил руки на мощной груди, сверху вниз разглядывая эту хрупкую, взъерошенную девушку в нелепом огромном свитере, которая упрямо преграждала ему путь к его графикам. В его глазах на мгновение промелькнуло что-то похожее на удивление, смешанное с неохотным уважением, но он тут же вернул на лицо маску сурового кризис-менеджера. — Трое суток? У вас есть двадцать четыре часа, Воронцова. Завтра вечером я лично заберу у вас этот отчет. И советую поторопиться — электроника здесь имеет свойство замерзать быстрее, чем московские иллюзии. — Посмотрим, чьи иллюзии замерзнут первыми, Командор, — тихо, но отчетливо произнесла Вера. Громов ничего не ответил. Он лишь бросил короткий взгляд на экран ее ноутбука, где как раз загружалась сложная трехмерная сетка грунтовых давлений, развернулся и вышел, оставив за собой шлейф морозного воздуха и звенящую тишину. Вера обессиленно опустилась на стул. — Ну надо же, какой экземпляр, — прошептала

она, глядя на закрывшуюся дверь. — Абсолютно непрошибаемый, плотность упрямства — сто процентов по шкале Мооса. Она яростно застучала по клавишам, вводя параметры калибровки. Ей нужно было доказать этому таежному медведю, что ее формулы стоят дороже всех его министерских графиков. Она еще не знала, что за стенами бытовки температура на улице начала стремительно расти, а датчики давления грунтовых вод на дальнем посту уже начали отправлять в пустоту первые тревожные сигналы. Двадцать четыре часа — это много, если ты сидишь на скучной лекции по макроэкономике, и катастрофически мало, если тебе нужно пересчитать триста векторов фильтрации в полузаммерзшей сибирской глуши. К трем часам ночи Вера Воронцова окончательно превратилась в подобие научно-производственного киборга: очки съехали на кончик носа, пальцы летали по клавиатуре со скоростью пулеметной очереди, а пустая кружка из-под растворимого кофе три в одном сиротливо каталась по столу. Но хуже всего было то, что графики не сходились. Они не просто капризничали — они вели себя как взбесившийся генератор случайных чисел. — Да что с вами не так? — Вера зло стукнула пальцем по клавише Enter, словно это могло заставить датчики на дальнем посту «Северный-4» одуматься. Удаленная телеметрия показывала аномалию. Уровень порового давления в глиняном пласте под третьим сектором — как раз там, где Громов планировал через сутки залить тысячи тонн тяжелого бетона — рос с пугающей скоростью. Согласно всем законам физики, в середине ноября грунт должен был намертво застыть. Но датчики упрямо твердили: там, в глубине, под вечной мерзлотой, скапливалась вода. Много воды. Вера потерла воспаленные глаза. Логика подсказывала два варианта: либо ее калибровочные приборы сошли с ума от сибирского гостеприимства, либо прямо сейчас под строительной площадкой разворачивалась скрытая гидродинамическая катастрофа. В этот момент за окном бытовки что-то глухо, утробно ухнуло. Звук был такой, словно огромный подземный великан тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок. Пол под ногами Веры ощутимо вздрогнул. В углу вагончика звякнули подвешенные на гвоздик монтажные каски. Следом за этим свет в лаборатории моргнул, на секунду погрузив комнату в абсолютную полярную тьму, а затем натужно вспыхнул снова, но уже в полнакала. Компьютер жалобно пискнул, переходя на резервное питание от бесперебойника. На экране замигала зловещая красная надпись: «Внимание! Потеря связи с внешним сервером». — Только не это, — прошептала Вера, чувствуя, как внутри все сжалось от нехорошего предчувствия. — Только не бэкап. Она бросилась к окну, соскребая ногтями плотный слой инея со стекла. Снаружи мир изменился. Обещанный синоптиками жесткий буран еще не начался, но небо затянуло зловещей угольной теменью. Но главное было не в небе. Внизу, в низине третьего сектора, где горели мощные прожекторы, творилось что-то странное. Тяжелая техника — два огромных бульдозера — почему-то спешно сдавали назад, их сирены тревожно ревели, разрезая таежную тишину. Рация на стене, до этого мирно шипевшая статикой, вдруг взорвалась паническим, захлебывающимся криком дежурного оператора: — Центральная! Центральная, я Девятый! В третьем секторе прорыв! Из-под откоса бьет обводненная жила! Напор сумасшедший, размывает основание дамбы! Нас топит! Вера замерла. Внутри нее сработал четкий алгоритм инженера. Не замерзание. Потепление. Неделю назад в районе была оттепель, талые воды ушли в глубокие трещины известняка, образовав подземный карман. А тяжелая строительная техника вибрацией разрушила хрупкий ледяной замок, сдерживающий этот напор. Матвей со своими технологическими картами только что вскрыл подземный нарыв. — Девятый, Громов на связи. Всем подразделениям — немедленная эвакуация из низины! — Глубокий, ледяной баритон Командора в рации прозвучал как удар хлыста. Никакой паники, только сухой свинец в голосе. — Михалыч, глуши дизель-генератор в зоне Б, переводи питание на резерв. Воду не удержать, уводи людей на возвышенность! Вера резко обернулась к своему столу. На бесперебойнике оставалось от силы пятнадцать минут работы. Локальный сервер, где хранилась вся ее трехмерная модель — плод трех лет работы и основа ее будущей

докторской, — стоял прямо здесь, в бытовке. Если вода дойдет до жилого сектора в низине, электронику просто закоротит, и ее труд превратится в кучу горелого кремния. Без этих данных она никогда не докажет инвесторам, что комбинат строится на опасном плывуне. — Ну уж нет, — Вера решительно схватила тяжелый системный блок, пытаясь на ходу выдернуть из него путаницу проводов. — Вы у меня не утонете. В этот момент за дверью раздался странный, шуршащий, хлюпающий звук. Бытовка, стоявшая на временных сваях у самого края технологического склона, вдруг заметно накренилась влево. Очки Веры соскользнули со стола и покатились по наклонному полу. Послышался треск ломающегося дерева. Земля уходила из-под фундамента вагончика. Хлесткий, грязный поток талой воды вместе с жидкой глиной и кусками льда, прорвавший дренаж, ударил точно в основание экологического сектора. Вера рванулась к двери, прижимая к груди бесценный жесткий диск, который она успела выкрутить из системника. На ходу она попыталась толкнуть тяжелую железную ручку. Дверь не поддалась. Вагончик перекосило от смещения грунта, и прочную стальную раму намертво заклинило. Вера нажала сильнее, упираясь плечом. Никакого результата. За тонкой стеной бытовки нарастал глухой, угрожающий гул бурлящей грязной жижи, которая прибывала с каждой секундой. — Эй! Есть кто-нибудь?! — Вера изо всей силы забарабанила кулаками по металлу двери. — Михалыч! Помогите! Но в рации на стене, которая теперь работала от батареи, сквозь треск помех слышались только далекие крики рабочих и глухой рев моторов уходящих грузовиков. Про экологический модуль в суматохе эвакуации просто забыли. Вода снаружи уже поднялась до уровня нижних ступеней, и Вера отчетливо почувствовала, как ее маленькая металлическая крепость начинает медленно, но верно скользить вниз, в сторону бурлящего глиняного котлована. Паника — это химическая реакция, блокирующая неокортекс. Вера знала это из курса нейробиологии, но когда пол под твоими ногами уходит влево со скоростью тридцать сантиметров в секунду, теория как-то резко теряет свою убедительность. Бытовка снова застонала. Металлический каркас жалобно хрустнул, когда внешняя свая окончательно подломилась. Вода снаружи уже штурмовала оконное стекло, оставляя на нем жирные разводы таежной глины. Внутри лаборатории стало жутко тихо — дизель окончательно сдох, и единственным источником света остался тусклый синий экран Вериного смартфона, зажатого в зубах. Она предприняла еще одну отчаянную попытку протаранить дверь плечом. Результат — синяк, который обещал быть размером с хорошее яблоко, и абсолютный ноль на шкале подвижности дверного полотна. — Думай, Воронцова, думай, — пробормотала она, перехватив жесткий диск поудобнее, словно это был не кусок пластика и магнитных пластин, а новорожденный младенец. — Твердость закаленной стали — около шести по шкале Мооса, жесткость деформированного вагончика — бесконечность... В этот момент наружная стена бытовки содрогнулась от страшного удара. Вера не успела даже вскрикнуть, как раздался оглушительный скрежет рвущегося металла. Железная дверь, которую она безуспешно атаковала последние пять минут, буквально выгнулась внутрь. Из образовавшейся щели посыпалась крошка монтажной пены, а следом в проеме показался тяжелый пожарный топор с ярко-красным топорищем. Два мощных, яростных удара расширили пролом, и перекошенную створку с мясом выдрало наружу. Ворвавшийся поток ледяного воздуха мгновенно смешался с паром от обогревателя. На пороге, подсвеченный сзади безумным всполохом аварийного прожектора, стоял Матвей Громов. Он тяжело дышал, его лицо было испачкано мазутом и каплями грязной воды, а из-под расстегнутого воротника куртки валил пар. В своей штурмовой экипировке спасателя он сейчас выглядел как оживший кошмар любого нарушителя техники безопасности. — Воронцова! Живая?! — рявкнул он, швыряя топор прямо на затапливаемый пол. — Если не считать легкого когнитивного диссонанса от вашей манеры входить без стука — да! — крикнула Вера, отчаянно пытаясь удержать равновесие на наклонной плоскости. Матвей не стал тратить драгоценное время на обмен любезностями. Он сделал два широких шага, мгновенно преодолев расстояние между ними. Оценив обстановку — накренившийся

вагончик, прибывающую воду и взъерошенную Веру в ее гигантском розовом свитере, — он просто протянул руки. — Диск мне, живо! И хватайся за шею. — Осторожно, это оригинальный массив данных! Если вы его уроните в воду, я лично заставлю вас пересчитывать дебит скважин вручную! — Вера бережно передала ему жесткий диск, который Громов одним легким движением засунул во внутренний непромокаемый карман своей куртки. В следующую секунду Вера поняла, что законы гравитации на Матвея Громова не распространяются. Он подхватил ее под бедра так легко, словно она была не взрослым инженером-экологом, а мешком с сухим цементом, и закинул себе на правое плечо. — Эй! Центр тяжести сместился! Опустите меня, я могу идти сама! — возмутилась Вера, оказавшись лицом к его широкой, обтянутой плотной тканью спине. От Громова пахло адреналином, порохом от сигнальных ракет и пронзительным холодом. — Сиди тихо, экология, — коротко бросил он, придерживая ее за ноги одной рукой с такой силой, что у нее не осталось ни единого шанса на побег. — Сама ты сейчас уйдешь на дно вместе с этой консервной банкой. Нам нужно убираться, пока склон не поплыл окончательно. Он развернулся и шагнул наружу, прямо в бурлящий поток. Вера зажмурилась, когда ледяные брызги ударили ей в лицо. Снаружи творился настоящий ад: ревущая грязная река размывала технологическую дорогу, в темноте кричали люди, а в пяти метрах от них огромный гусеничный экскаватор упрямо пытался нагрести земляной вал, чтобы перенаправить поток в сторону от жилых модулей. Матвей двигался уверенно, четко вбивая тяжелые ботинки в раскисшую глину и наносы гравия. Каждым своим шагом он доказывал, что его плотность упрямства действительно превосходит любые сибирские катаклизмы. Вера, зажатая на его плече, физически чувствовала, как под плотной курткой перекатываются мощные мышцы, и против своей воли поймала себя на мысли, что в этой абсолютно нелогичной и опасной ситуации она чувствует себя в полной безопасности. Закон сохранения массы в действии: ее страх просто растворился, поглощенный его абсолютной, первобытной уверенностью. Через пару минут, которые показались Вере вечностью, Матвей наконец взбежал на каменистую возвышенность, где стоял заведенный штабной внедорожник с горящими фарами. Он аккуратно, но быстро спустил Веру с плеча прямо на подножку автомобиля. Вера покачнулась, ее ноги в легких ботинках мгновенно увязли в мокром снегу. Матвей тут же придержал ее за талию, не давая упасть. Они оказались лицом к лицу — так близко, что Вера видела, как расширены его зрачки от адреналина и как тяжело вздымается его грудь. Между ними, прямо посреди ледяного сибирского хаоса, вдруг вспыхнуло такое плотное, почти осязаемое электрическое напряжение, что Верины очки снова мгновенно запотели. — Вы... вы сумасшедший, Громов, — выдохнула она, пытаясь обрести твердость в голосе. Матвей медленно выпустил ее талию из своих огромных ладоней, но взгляда не отвел. Он залез во внутренний карман, достал сухой, абсолютно невредимый жесткий диск и протянул ей. — Твои бабочки в безопасности, Воронцова. А теперь полезай в кабину и включи печку. Дальше я сам. Он резко захлопнул за ней дверь внедорожника и, не оборачиваясь, бросился обратно к ревущему прорыву дамбы, где его уже ждали люди. Вера прижала жесткий диск к груди, глядя сквозь лобовое стекло на его удаляющийся в темноте силуэт. Ее сердце колотилось со скоростью отбойного молотка, и она прекрасно понимала, что дело тут далеко не в гидрологической аварии. Первая гипотеза была подтверждена: Матвей Громов был опасен для ее душевного равновесия гораздо сильнее, чем вся вечная мерзлота Сибири.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.